

ВОСПОМИНАНИЯ ПОСТОЯННОГО ЧЕЛОВЕКА.

Никита Алексеевич Струве – видный деятель русского зарубежья, директор русского парижского издательства Умса- Press, главный редактор журнала «Вестник Русского Христианского Движения», доктор филологии, профессор Университета Париж-Х-Нантер, один из учредителей Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына и издательства «Русский путь» в Москве. 16 февраля 2011 года в Доме Русского Зарубежья торжественно отпраздновали 80-летний юбилей Никиты Алексеевича. Вашему вниманию предлагается интервью с Н.А. и М.А. Струве 2009 года, когда Никита Алексеевич и Мария Алексеевна посетили Москву, чтобы присутствовать на ежегодном вручении премии имени Александра Солженицына.

Корр. Вы часто говорите в интервью, что русская эмиграция кончилась...

Н.А. Первая эмиграция, потомками и свидетелями которой мы являемся, была большим культурным явлением. Она останется навсегда, так же как возможность изучать ее, проникаться ее духом. Это был элитарный кусок дореволюционной России.

Корр. Вы были знакомы с сестрой Иоанной Рейтлингер. Расскажите о ней.

Н.А. Сестра Иоанна была, прежде всего, природным художником. Но, кроме того, она жила интенсивной скрытой духовной жизнью, питаясь мыслью о. Сергия Булгакова: такого выдающегося богослова не было со времен Григория Паламы. В творчестве сестры Иоанны всегда было соединение свободы и традиции, неабсолютизация каких-то форм, техники. Она интересовалась современной живописью.

Корр. Вы с Марией Александровной – творческая семья. Каковы ваши секреты гармоничной семейной жизни?

Н.А. «Рецепта» нет. Мы познакомились в христианском студенческом обществе, поженились после 5 лет знакомства. Вокруг нас было много таких пар. Нас объединила та перспектива, тот свободный дух движения. Это было очень благородное окружение, считалось, что нужно достойно прожить, ведь люди попали в катастрофичную историю.

Корр. Расскажите о своем первом визите в Россию. Ваше представление о ней совпало с тем, что вы увидели?

Н.А. По Москве точно прошла война. Чувствовалось большое ожидание чего-то. Наш визит омрачила трагедия: мы должны были встретиться с о. Александром Менем, но встреча эта не состоялась... У нас сразу появился замечательный друг - Виктор Москвин, ныне директор Дома Русского Зарубежья. Мы хорошо знали Россию и редко ошибались в прогнозах и оценках. Мы знали ее в чем-то даже лучше, чем сами россияне, ведь многое тогда заглушалось. Скажем, о хрущевских гонениях я в Париже знал, наверное, больше, чем Александр Исаевич, который жил здесь. В каком-то смысле мы встретились с Россией, когда была вторая эмиграция. Это были люди, попавшие на Запад в качестве пленных: в основном простые люди, крестьяне. В них был очень силен страх коммунизма, поэтому они обычно не задерживались в Европе и уезжали в Америку.

Когда мне было 14 лет, со мной произошел случай, который произвел на меня сильное впечатление. Я был один дома. Мы жили на втором этаже, а на первом жил внук Толстого с семьей. Они часто принимали у себя невозвращенцев. Неожиданно я услышал крик о помощи. Я кинулся к окну и увидел удаляющуюся черную машину. Спустился вниз, увидел взломанные двери, кровь.

Корр. Мария Александровна, вы были знакомы с матерью Марией. Какой она была?

М.А. В первый раз я увидела ее лет в 6-7 в Ницце, когда она еще не была монахиней. Она было очень мужеподобная, большая, в ней не было никакого кокетства, она всегда хотела еще

больше опроститься. После какой-то моей болезни мы с мамой однажды около месяца жили у нее в горах, в Кабрисе, в доме, который она снимала на лето. Там была ее дочь Гаяна, ее сын Юра, с которым мы ссорились. Она всегда была из ряда вон. Могла уйти гулять в грозу на всю ночь и вернуться с карманами полными воды. Уже в Париже мы жили недалеко от нее и часто ходили к ней обедать: она кормила нищих, которых среди эмигрантов было много. Когда умер мой отец, нам было нечего есть. Мы посещали также ее церковь. Она была очень отважной и интеллигентной. После литургии часто собирались у нее писатели и поэты, читали стихи, разговаривали. Помню, был о. Илья (Фондаминский). Она ходила в своей рясе босая; только заходя в церковь, надевала сапоги. Помню, как она стояла на кухне босиком на каменном полу и варила огромные кастрюли супа. У нее были замечательно красивые небольшие ступни. Вокруг нее всегда был вихрь людей. Она часто приходила к нам. Рядом с нами жил известный врач Иван Манухин, который до эмиграции лечил Горького. Он и его жена были очень благочестивыми людьми, а он сам – немного чудаковатым. В Париже он лечил Кэтрин Мансфельд. Мать Мария часто посещала их. Манухин взялся как-то лечить меня. Я помню, что его комната была полна каких-то странных машин. Он запер меня в какой-то железный ящик и запустил свои машины. Я была еще маленькой и очень испугалась.

Корр. Никита Алексеевич, кто из представителей первой волны русской эмиграции произвел на вас наибольшее впечатление?

Н.А. В первую очередь мой дед. Он медленно говорил, потому что всегда тщательно обдумывал свои слова. Помню, мы, дети, издевались над ним по этому поводу, вставляли в паузы какие-то словечки. Он научил меня принципиальности, требовательности, гражданскому подходу. Он не терпел никакого соглашательства, будь то фашизм или коммунизм. Помню, однажды к нам в гости пришел одноклассник моего отца еще по Петербургу в немецком мундире и мой дед отказался его видеть. Он отказывался покупать во время войны немецкие газеты, но однажды, принеся домой номер с фотографией Черчилля и сказал: «Вот, согрешил». Черчилль был его кумиром.

Корр. Расскажите о своих встречах с Буниным.

Н.А. О, я наверное последний динозавр, который хорошо знал Бунина. Бунин был дружен сначала с моим дедом, потом с отцом. Мы хорошо знали и Веру Николаевну.

Корр. Вы видели фильм А. Учителя «Дневник его жены»?

Н.А. Знаете, Бунины были частью нашей жизни. Я принципиально не хочу его смотреть.

Корр. Какая его черта больше запомнилась?

Н.А. У него были очень внимательные глаза. Он вообще был весь – внимание. По отношению ко мне проявлял отеческую ласковость: может быть, я напоминал ему о его единственном сыне, который умер в детстве. Вера Николаевна была святой женщиной.

М.А. Надо было быть святой, чтобы жить с Буниным.

Н.А. Я знал его в последний период его жизни. В это время у него тоже было увлечение: правда, о нем известно меньше, чем об отношениях с Кузнецовой. С Верой Николаевной он был очень внимателен. В то же время иногда он гаркал. Была у него поза: он хотел казаться суровым, настоящим мужчиной.

М.А. Да, он часто писал: «Я – хорошего мужского роста».

Н.А. Он дико боялся смерти. Был очень жадным до жизни и очень запуганным смертью. Рассказ «Господин из Сан-Франциско» - это тот ад, который жил в его душе. Одновременно там была и красота.

Корр. Вы знали также Ремизова и Шмелева...

Н.А. С Ремизовым я часто встречался, он жил неподалеку. Я ходил читать ему, когда он ослеп. Он сам часто читал у нас свои произведения. Он был замечательным чтецом. Бунин –

тоже хорошо читал, но совсем по-другому. Шмелев тоже жил неподалеку, но с ним близкого общения почти не было. Во время войны он писал для пронемецких газет, а мы тогда относились к этому очень принципиально.

Корр. Никита Алексеевич, вас и Марию Александровну «позиционируют» как выдающихся религиозных деятелей Русского Зарубежья. Как вы к этому относитесь?

Н.А. Что касается меня, то я с молодых лет действовал в церкви, в русском христианском студенческом движении. Там было активное отношение к церкви: не только обрядность должна была соблюдаться, христианство должно было присутствовать во всей жизни. Студенческое христианское движение существовало не помимо церкви, а внутри церкви, для церкви. В этом смысле я могу считаться не выдающимся, а просто религиозным деятелем русского зарубежья. По духу русского христианского движения. Я не из церковной семьи, как жена. Она, кстати, вступила в движение раньше меня. Движение никогда не отделяло обрядовость и духовность от семейной жизни, культуры. Вдохновитель движения о. Василий Зеньковский передал нам этот дух.

Корр. А как с этим обстоит дело у нас в России? Есть ли эта живая связь?

Н.А. Здесь трудно высказывать суждения. В России сейчас церковь отчасти повернулась спиной к культуре, не во всех своих проявлениях, конечно. Но сейчас другое время: во всем мире наблюдается падение уровня культуры. После 70 лет уничтожения русской христианской культуры, ее не так легко восстановить. Кроме того, возникают новые проблемы, связанные с глобализацией, тем, что элитарная культура уступает место общей. Но должна быть живая связь. Церковь должна продолжать мыслить.

М.А. Эта связь возможна только на русской почве. Только русская культура близка к духовности. Французская культура, например, не такова.

Корр. А что такое культура?

Н.А. Это не замыкание в чем-либо.

Корр. Каковы ваши собственные критерии отбора кандидатов на получение Солженицынской премии?

Н.А. Кандидат должен представлять собой явление. Выдвигать надо людей с моральным противостоянием, гражданским «лицом». Культура достигает своего апогея, только когда она религиозно вдохновлена. Солженицын велик как писатель, но он велик своим христианским мироощущением, которое изначально ни от чего не зависело, хотя он специально, возможно, этого не сознавал.

Корр. Премия Солженицына 2009 была посмертно вручена Виктору Астафьеву. Складывается впечатление, что из ныне живущих писателей, нет достойных...

Н.А. А вы можете назвать кого-нибудь?

Корр. ...

Н.А. Не так легко сейчас назвать выдающегося писателя. Есть известные, успешные, но у них нет нравственной позиции.

Корр. Как вы относитесь в большому количеству издаваемой в России коммерческой литературы?

Н.А. Всегда существовала низкая литература, которая не переживала и десятилетия. Теперь издавать стало сравнительно легко, можно издавать дешево. Я поражён тем, сколько было издано книг в России за последние 10 лет. Я стал издателем поневоле и являюсь им вот уже 50 лет. Мы издавали на русском языке то, что не издавали больше нигде: в этом смысле это

легкое поприще. Поэтому мне всегда прежде всего было важно издать хорошую книгу, стоящую.

Корр. Есть такое предположение, что скоро люди перестанут читать вообще...

Н.А. Сказывается конкуренция Интернета, хотя это менее созерцательное чтение. Мир очень стремительно меняется последние 20 лет. Появляются новые технологии, исчезают классы. Я не провидец и что будет дальше, предсказать не могу. Не знаю, всегда ли читали Эхила, Шекспира. А к каким-то писателям люди вернуться, потому что они уже просто вошли в нашу жизнь. Недавно моя 25-летняя внучка открыла для себя Солженицына - прочла «Раковый корпус» по-французски с огромным наслаждением.

Корр. Что вы думаете о национализме в России?

Н.А. Да, соблазнов сейчас много. Остается еще некий советских дух, советская психология. Традиционной западной демократии нет. Но я никогда и не думал, что после 70 лет советского строя будет быстрый переход к такой демократии, какой Россия никогда не знала. Кроме того, это не есть идеальная система управления. Знаете, когда я впервые приехал в Россию, в аэропорту меня встречали монархисты, что меня очень удивило. Однажды, когда я читал в Ленинской библиотеке лекцию о евразийстве, мне стали свистеть. В национализм нас отбрасывает то, что Запад отрицает Россию. На Западе никак не могут понять, что Россия уже другая. Этому способствуют богатейшие западные средства массовой информации, отражающие интересы тех людей, которых огорчило то, что они не получили газ и нефть задаром. Они посадили своих людей в Грузию, на Украину. Хотя, конечно, не следует все упрощать. Мы в эмиграции хорошо знали Россию и редко ошибались в своих прогнозах, оценках. И хочется уже найти какую-то идеологию.

Корр. Каково ваше мнение о кризисе как об очистителе нравов?

Н.А. Действительно, мы немного зажрались, обанкировались, появились излишки капитализма. Но я бы не делал акцент именно на этом моменте: от кризиса страдают в первую очередь бедные страны. А вот для церкви обилие денег было соблазном. Если она немного обеднеет, особенно верхушка, это пойдет ей на пользу. Христианство все же – религия бедных, когда, тем не менее, человек делится последним. Русская эмиграция жила в бедности.

Корр. Вы знали Ахматову, Ремизова, Бунина, Солженицына. Не чувствуете себя иногда исторической личностью?

Н.А. Я просто везучий человек. Ленивец, попавший в исторические события. Я просто попал в какую-то культурную историю, знал ярких интересных творческих людей. Сам я человек нетворческий. Да, я издавал «Архипелаг ГУЛАГ», дружил с Александром Исаевичем, сотрудничал с Надеждой Мандельштам, встречался с Ахматовой. Они творили эту историю, а не я.

Корр. Когда вы последний раз встречались с Солженицыным, о чем разговаривали?

Н.А. Это было в мае 2008. Я, когда приезжал в Москву, почти всегда останавливался у Солженицыных. У нас уже не было общих дел, планов. Мы просто разговаривали о том, что нас волновало. Наталия Дмитриевна участвовала в этих беседах. Последнее время больших разговоров уже не получалось. Наши свидания длились минут 20-30: он почти не выходил из своей комнаты. С юмором говорил о своих недугах. Мне запомнился какой-то его светящийся облик.

Корр. Какие из изданных вами книг самые значительные?

Н.А. Разумеется, «Архипелаг» - это уже история. Мемуары Надежды Мандельштам, «Тюремный дневник» Бориса Вильде, воспоминания моего деда, а также все те книги. Которые были изданы по моей инициативе в издательстве «Русский путь».

Корр. Что такое для вас свобода?

Н.А. Свобода – это одновременно верность и гибкость. Верность своим суждениям и гибкость в своих суждениях. Быть свободным – значит быть все время не вполне идентичным самому себе. Это диалектика. Свобода проистекает из сочетания противоборствующих начал, над которыми человек возвышается. Свобода – означает не быть рабом всего того, что может повергнуть в рабство. У Солженицына свобода рождается из прохождения через отсутствие воли: я назвал это кинозисом.

Корр. А вы – человек свободный?

Н.А. Нельзя быть свободным до конца, как нельзя быть абсолютным христианином. При всем этом нужно быть верным чему-то изначальному. Если бы я написал мемуары, я назвал бы их «Воспоминания постоянного человека».

Беседовала Наталия Клевалина.

Москва, Дом Русского Зарубежья имени А.И.Солженицына, весна - 2009.